

- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-3-129-137

Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.

СТРЕНИН Данил Алексеевич,

Аспирант 2 года обучения,

Институт законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве РФ,

e-mail: strenin@mail.ru

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ УНИФИКАЦИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО ПОВОДУ ЦИФРОВОГО ИМУЩЕСТВА: КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО АКТА ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В настоящей статье исследуется возможность создание унифицированного подхода к правовому регулированию цифрового имущества на международном уровне, необходимость которого диктуется нематериальной (и, как следствие, внегосударственной) природой указанного типа имущества. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день такая унификация возможна по аналогии с Венской конвенцией: предлагается ряд формулировок, регламентирующих правоотношения не на уровне сущности цифрового имущества, а на уровне договорных обязательств, связанных с его трансграничным оборотом.

Ключевые слова: цифровое имущество, международное правовое регулирование, унификация, Венская конвенция, виртуальное имущество, цифровые активы, гармонизация права, международное частное право.

STRENIN Danil Alekseevich,

2nd year postgraduate student,

Institute of Legislation and Comparative Law Studies

under the Government of the Russian Federation

SUBSTANTIVE LEGAL UNIFICATION OF THE REGULATION OF CROSS-BORDER PRIVATE LAW RELATIONS CONCERNING DIGITAL PROPERTY: THE CONCEPT OF AN INTERNATIONAL ACT OF DIRECT EFFECT

Annotation. This article examines the possibility of creating a unified approach to the legal regulation of digital property at the international level, the need for which is dictated by the intangible (and, as a result, extraterritorial) nature of this type of property. The author concludes that such unification is currently possible by analogy with the Vienna Convention: a number of formulations are proposed that regulate legal relations not at the level of the essence of digital property, but at the level of contractual obligations related to its cross-border circulation.

Key words: digital property, international legal regulation, unification, Vienna Convention, virtual property, digital assets, legal harmonization, private international law.

Введение

На современном этапе развития глобальной экономики и информационного общества выделяется принципиально новый класс активов, располагаемых в цифровой среде и существующих преимущественно в форме данных, распределенных записей и программных кодов. Цифровизация хозяйственного оборота обусловила формирование самостоятельного сегмента имуще-

ственных отношений, в рамках которого возникают, обращаются и трансформируются цифровые активы различной правовой природы – от криптовалют и токенов до цифровых прав требования и объектов, функционирующих в распределенных реестрах [1]. Вместе с тем на сегодняшний день далеко не все государства выработали системный нормативный подход к правовому регулированию отношений, связанных с

таким видом имущества[2]. В ряде юрисдикций соответствующие положения носят фрагментарный характер, в иных – цифровое имущество включается в уже существующие конструкции вещного, обязательственного или финансового права без учета его специфики, а в некоторых – не регулируется вовсе.

Подходы, закрепленные в национальных правовых порядках, зачастую отличаются повышенной дифференциацией понятийного аппарата и вариативностью определения перечня объектов, относимых к новой категории. Используемые законодателем дефиниции – «цифровые активы», «виртуальные активы», «криптоактивы», «цифровые права», «токены» – нередко не совпадают по содержанию, объему и юридическим последствиям их применения [3]. Отсутствие единой терминологической базы осложняет квалификацию правовых режимов, определение правового статуса участников оборота и механизмов защиты их интересов.

При этом складывается следующий парадокс: цифровые активы, по своей природе не признающие государственных границ и способные обращаться в распределенных сетях вне привязки к конкретной юрисдикции, сталкиваются с регуляторными системами, основанными на принципах государственного суверенитета и территориальной юрисдикции. В настоящее время мировое сообщество фактически оказалось в условиях регуляторного вакуума, который постепенно заполняется разнонаправленными и зачастую взаимоисключающими инициативами на национальном уровне. Отсутствие согласованных международных стандартов приводит к формированию фрагментированной нормативной среды, что объективно затрудняет международное экономическое взаимодействие [4].

В связи с этим актуализируется необходимость комплексного научного анализа проблем гармонизации международных правовых норм, регулирующих цифровое имущество, с целью выработки концептуальных подходов к унификации понятийного аппарата, согласованию коллизионных привязок и формированию общепризнанных стандартов правового режима цифрового имущества. Разработка унифицированных правовых норм и модальных программных документов представляется ключевым условием обеспечения баланса между суверенными интересами государств и потребностями глобального цифрового рынка.

Основные международные документы, регламентирующие цифровое имущество и правоотношения, вытекающие из его использования

Для того, чтобы определить вектор тенденций правового регулирования цифрового имущества в мире, вначале предлагается проанализировать, как международные договоры и «мягкое право» понимают и регулируют феномен «цифрового имущества» через используемые ими термины (digital assets/digital property/virtual assets/crypto-assets/electronic transferable records и др.).

Прежде всего предлагается обратиться к Принципам УНИДРУА, закрепляющим, помимо общих регуляторных рекомендаций, в том числе основные понятия [13]. Под цифровым активом (digital assets) в Принципах понимается информация, которая хранится на электронном носителе и в отношении которой может быть установлен контроль. При этом, как отмечала А.Г. Шипикова, понятие контроля видится достаточно широким: по смыслу Принципов, под неё попадает в том числе и криптовалюта. Парадокс в том, что *de facto* сделки с криптовалютой никто не регулирует, потому как протокол информационной системы блокчейна не позволяет внесения изменений предшествующих цепочек сделок, однако пользователь обладает контролем над частным ключом, который позволяет ему фактически распоряжаться имуществом [5]. Таким образом, получается, что цифровой актив, в понимании УНИДРУА, есть электронная запись, распоряжение которой должно быть подвластно конкретному субъекту.

Однако, несмотря на то, что Принципы УНИДРУА определили понятие цифрового актива и признали его объектом, на который распространяется правовая защита, по своей сути документ представляет собой Концепцию правовой природы нового объекта и никаких принципиальных положений непосредственного регулирования не вводит, являясь актом мягкого права рекомендательного характера. Более того, все споры, возникающие в отношении таких цифровых активов, Принципом 18 передаются в компетенцию национального правового порядка и судебной системы.

Схожие положения содержатся в модельном законе ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях [14]. В соответствии с ним, под *electronic transferable record* понимаются инструменты, которые дают право владельцу требовать исполнения обязательства, указанного в них, и которые позволяют передать требование в это исполнение путем передачи владения соответствующей записью. Видится очевидным, что предлагаемая дефиниция является максимально близкой по существу описываемого объекта к цифровым финансовым активам (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О правовом регулировании ЦФА» [15]) и утилитарным цифровым правам (п.10

ст.2 Федерального закона «О привлечении инвестиций...» [16]), то есть к цифровым правам по смыслу российского законодательства (ст. 128, 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [17]).

Основной новеллой MLETR является закрепление принципа содействия трансграничному использованию электронных передаваемых записей путем поддержки принципа недискриминации в отношении иностранного происхождения или использования за рубежом электронных передаваемых записей. Вместе с тем указанный типовой закон также не затрагивает вопроса об универсальных механизмах правовой охраны таких объектов, передавая указанное в сферу действия национальных законов государств, на территории которых данные объекты были выпущены.

Любопытным видится подход FATF, рассматривающих виртуальные активы (virtual assets) как цифровое представление стоимости, которое может быть продано, передано или использовано для оплаты на электронных площадках [18]. При этом к указанной категории не относятся фиатные цифровые валюты, что позволяет самому документу отождествить их с криптоактивами. В контексте их расширенных возможностей для проведения транзакций по отмыванию доходов и финансированию терроризма, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег лоббирует мысль о получении лицензии лицами, работающими с ними, либо же их внесение в специальные реестры для идентификации клиентов и операторов [6]. Этот подход находит отклик в ряде юрисдикций, что делает их право привлекательным с точки зрения возможности преобразования криптовалют в фиатные деньги [19]. При этом ФАТФ отмечает, что национальной стратегией может быть не только легализация, но и в том числе полный запрет на использование криптоактивов. Однако он не снимет с государства обязанности за контролем оборота виртуальных активов [7].

Примечательно, что анализ программных документов ООН [20] и Европарламента [21] не выявил в них положений о фундаментальном регулировании цифрового имущества как широкой категории, объединяющей своими квалифицирующими признаками ряд новых объектов гражданского оборота. Существующие Конвенции Организации Объединенных Наций ориентированы преимущественно на порядок взаимодействия сторон в рамках классических отношений с использованием электронных инструментов (этот же аспект регулирует и ЮНСИТРАЛ в рамках Модального закона об электронной торговле [22]), а акты Европейского Союза ориентированы на определение правового режима только одного из цифровых активов – криптоактивов (или

криптовалюты) [8], что уже не позволяет рассматривать указанные документы как нормативную базу нашего исследования, поскольку рассматриваемая нами категория «цифровое имущество» не сводится только к криптоактивам.

Таким образом, существующие на данный момент международные соглашения и модальные законы солидарны в признании цифрового имущества охраноспособным объектом оборота, активно участвующего в международных сделках. Однако вместе с тем приведенные акты очевидно не решают вопроса правового режима указанных объектов (в том числе полного перечня объектов, которые относятся по своим характеристикам к категории цифровых), а также порядка разрешения споров с указанным имуществом, отдавая эти вопросы на «откуп» юрисдикциям государств, на территории которого возникнет спор или будет обращаться указанное имущество.

Национальные подходы к правовому регулированию цифрового имущества в России и зарубежных странах

Согласно данным Банка России, на сегодняшний день можно проследить тенденцию трёх типов правового регулирования цифровых активов:

- 1) Принятие специальных нормативных актов, регулирующих вопросы функционирования цифрового имущества (токенов);
- 2) Изменение ряда норм действующего законодательства с целью распространения их положений на специфику технологий распределенного реестра;
- 3) Распространение на цифровое имущество действующего законодательства (полагая, принцип заключается в игнорировании их двухступенчатой природы, когда всё содержание сводится к конечному объекту – то есть вещному или обязательственному праву) [23].

Рассмотрим каждую из этих групп на примере. Так, в рамках принятия специального законодательства для обращения цифровых активов можно выделить Мальту, которая приняла Закон «О виртуальных активах» [24]. Данный нормативный акт обособил класс токенизированных объектов по принципу использования технологии распределенных реестров в качестве инструмента их фиксации и оборота.

Аналогичным путём пошли и Объединенные Арабские Эмираты. В 2022 году в Дубае была заложена нормативная основа для регулирования цифровых активов, включающая в себя установление ключевых понятий и общих требований к деятельности в данной сфере. Важнейшим шагом стало создание специализированного

регулирующего органа – Virtual Assets Regulatory Authority (VARA), на который возложены функции надзора, лицензирования и мониторинга операций с цифровыми активами.

В 2023 году VARA утвердила Правила о виртуальных активах и связанной с ними деятельностью [25], которые ввели унифицированное определение виртуальных активов как цифровой формы ценности, способной к обращению, передаче и использованию в качестве платежного средства или инвестиционного инструмента посредством цифровых технологий. В рамках данной категории были выделены виртуальные токены, представляющие собой разновидность виртуальных активов, обращение которых допускается только на лицензированных платформах.

Регулирование в ОАЭ предусматривает, что деятельность, связанная с виртуальными активами, включая их выпуск, передачу, хранение, обмен на фиатные валюты и управление ими, может осуществляться исключительно при наличии регистрации в ОАЭ и получения соответствующего разрешения от VARA.

Однако большинство стран всё же придерживаются позиции распространения на цифровые активы режима действующего законодательства, как правило, режима ценных бумаг. Так, например, в юрисдикции США существует специальный орган – Комиссия по ценным правам и биржам (SEC), функционал которой теперь включает своевременные разъяснения (потому как там система прецедентного права) по вопросам, связанным с ЦА. В большинстве случаев токены признаются либо ценными бумагами, либо производными финансовыми инструментами, однако есть и исключения, когда SEC выводит их в специальный правовой режим, учитывающий технологии распределенного реестра [26].

Аналогичная ситуация складывается в Южной Корее, которая изначально отказалась от принятия специального правового регулирования в пользу расширения функций действующих органов до издания специальных указаний, регламентирующих обращение токенов. Комиссия по финансовым услугам Южной Кореи в этой связи в 2023 году закрепила, что токеном признается цифровая ценная бумага, соответственно, сами токены – лишь их форма, а потому на них распространяются положения Закона «О ценных бумагах». Однако указание комиссии уточнило процедуры выпуска токенов и торговли ими на вторичном рынке [27], а после был принят Закон «О защите лиц, использующих виртуальные активы» [28].

В Российской Федерации правовое регулирование цифровых активов идёт по пути специального регулирования. Поскольку тематикой

нашего исследования выступают непосредственно цифровые финансовые активы, то в контексте анализа отечественного правового регулирования акцент будет сделан именно на этом инструменте.

Так, в первую очередь следует отметить Гражданский кодекс. Одним из ключевых нововведений стало закрепление понятия «цифровые права», а также их правовая квалификация в качестве разновидности имущественных прав [29].

Введение концепции цифровых прав в российское гражданское право осуществлено посредством Федерального закона от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ, который дополнил ГК РФ статьей 141.1 «Цифровые права» [30], содержащей легальную дефиницию. Несмотря на то, что вопрос успеха её формулировки неоднократно поднимался в доктрине, она так или иначе ввела новую категорию прав, а также закрепила, что цифровые права регулируются не только положениями законодательства, но и алгоритмами работы цифровых платформ, что является важным аспектом их правового режима. Ранее нами уже высказывалась мысль о том, что отечественное понятие «цифровых прав» совпадает с понятием «цифровых записей», используемых для обозначения цифрового имущества ЮНСИ-ТРАЛ. Отсюда мы можем сделать вывод, что на сегодняшний день Россия – одна из немногих стран, идущая по пути прогрессивного правового регулирования цифровых активов посредством принятия специальных нормативных правовых актов.

Возможность унификации правового регулирования цифрового имущества

Рассматривая возможность унификации правового регулирования цифрового имущества, предлагается обратиться к наиболее успешному международному опыту регулирования правоотношений. По нашему мнению, Венская конвенция 1980 года [31] представляет собой оптимальную модель согласования национальных правовых порядков в сфере трансграничного товарного оборота. Этой же позиции придерживается Ю.В. Кузьменко, который считает Венскую конвенцию «самым успешным результатом унификации в сфере международной торговли» [9], а также ряд других исследователей [10].

Как отмечал А. Каширин, подобное достигается во многом за счет необходимости интеграции норм конвенции странами-участницами в национальные правовые порядки, что обеспечивает отсутствие расхождения в ключевых нормативных положениях и в целом содействует успеху при разрешении международных-торговых спо-

ров [11]. Здесь считаем важным акцентировать внимание на том, что, в отличие от ранее анализируемых нами международных документов, Венская конвенция не несет рекомендательного характера и не является актом мягкого права, её положения применяются по общему правилу (иное возможно изменить соглашением между сторонами) и применяются непосредственно.

Конвенция исходит из функционального подхода к объекту регулирования: в ее основе лежит не унификация понятий «собственность» или «вещь» в их материально-правовом смысле, а стандартизация обязательственных отношений, возникающих из договора международной купли-продажи. В рамках Конвенции товар рассматривается как экономический объект оборота, а не как элемент национальной системы вещных прав. Вопросы перехода права собственности, действительности сделки, а также правового режима товара как объекта имущества сознательно исключены из сферы ее регулирования и переданы на усмотрение применимого национального права. Тем самым достигается правовая определенность при сохранении суверенитета государств в вопросах вещного права, что является принципиально важным для участия широкого круга государств.

Полагаем, что именно эта архитектура должна лечь в основу унифицированного подхода при оценке возможности создания аналогичного международного механизма регулирования трансграничных сделок с цифровым имуществом. Цифровые активы, как и товары в понимании Венской конвенции, участвуют в международном экономическом обороте, однако их правовая природа отличается еще большей неоднородностью. Цифровое имущество не обладает территориальной локализацией, не подчиняется классическим категориям владения и физического контроля и зачастую сочетает в себе элементы имущественных, обязательственных и интеллектуальных прав [12]. Попытка прямой унификации их правового статуса на уровне международного договора в настоящее время представляется затруднительной и потенциально конфликтной.

В то же время модель Венской конвенции демонстрирует, что унификация возможна не на уровне сущности цифрового имущества, а на уровне договорных обязательств, связанных с его трансграничным оборотом. Международное регулирование может быть сосредоточено на вопросах заключения договоров передачи цифровых активов, прав и обязанностей сторон, ответственности за неисполнение, стандартов добросовестности и допустимых средств правовой защиты, при одновременном сохранении за

национальными правовыми порядками регулирования вопросов вещного или квазиимущественного характера.

Таким образом, анализ Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров позволяет сделать вывод о принципиальной возможности создания сопоставимого по логике международного правового инструмента в сфере трансграничных сделок с цифровым имуществом, при условии отказа от унификации его правовой природы и сосредоточения на обязательственно-правовом аспекте соответствующих отношений. Именно такой подход представляется наименее конфликтным и одновременно наиболее перспективным с точки зрения развития международного частного права в условиях цифровизации экономики.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд следующих выводов:

- 1) На сегодняшний день международные документы, регламентирующие цифровое имущество и правоотношения, вытекающие из его использования, не имеют консенсуса в части того, что надлежит признавать цифровым имуществом и какие объекты к нему относятся. Регулирование осуществляется через призму «мягкого права», если не носит исключительно рекомендательный характер. Подобные рамки требуют от национальных правовых порядков выработки собственного подхода правовому регулированию цифрового имущества.
- 2) Национальные подходы к правовому регулированию цифрового имущества в подавляющем большинстве сводятся к распространению на цифровое имущество уже существующих правовых институтов. Подобное приводит либо к игнорированию особых свойств цифрового имущества, либо к игнорированию самого цифрового имущества как объекта оборота, потому как оно остаётся вне нормативного поля.
- 3) Видится возможным и оправданным создание универсального регулирования цифрового имущества на уровне Организации Объединенных Наций, которое будет осуществляться не на уровне сущности цифрового имущества, а на уровне договорных обязательств, связанных с его трансграничным оборотом. В частности, подобное можно закрепить посредством следующих нормативных формулировок:

Статья 1. Сфера применения

Настоящие нормы применяются к договорам, заключаемым между сторонами, коммерче-

ские предприятия которых находятся в разных государствах, предметом которых является передача, предоставление либо отчуждение цифрового имущества за вознаграждение или на ином эквивалентном основании.

Настоящие нормы регулируют исключительно обязательственные отношения сторон и не затрагивают вопросы:

- 1) возникновения, перехода и прекращения права собственности;
- 2) действительности договора;
- 3) правового режима цифрового имущества как объекта вещных или исключительных прав, если иное прямо не предусмотрено соглашением сторон.

Статья 2. Понятие цифрового имущества для целей настоящего Соглашения

Для целей настоящих норм под цифровым имуществом понимаются нематериальные объекты, существующие в цифровой форме и способные участвовать в гражданском обороте, включая, но не ограничиваясь:

- 1) цифровыми данными и наборами данных;
- 2) цифровыми активами, обращающимися с использованием распределённых реестров;
- 3) цифровым контентом и результатами интеллектуальной деятельности в цифровой форме;
- 4) иными нематериальными объектами, определяемыми соглашением сторон в качестве цифрового имущества.

Признание объекта цифровым имуществом в смысле настоящих норм не предопределяет его квалификацию в национальном праве.

Статья 3. Автономия воли сторон

1. Стороны вправе по своему усмотрению определить содержание обязательств, вытекающих из договора, включая способы передачи цифрового имущества, объем предоставляемых прав и условия их использования.
2. Стороны вправе исключить применение настоящих норм полностью либо частично или отступить от любого их положения.

Статья 4. Обязанности стороны, передающей цифровое имущество

Сторона, передающая цифровое имущество, обязана:

- 1) обеспечить предоставление доступа к цифровому имуществу в согласованном формате и объеме;
- 2) гарантировать соответствие цифрового имущества условиям договора;
- 3) воздерживаться от действий, препятствующих использованию цифрового имущества в пределах, предусмотренных договором;

- 4) уведомить другую сторону о любых технических или правовых ограничениях, известных ей на момент заключения договора.

Статья 5. Обязанности стороны, принимающей цифровое имущество

Сторона, принимающая цифровое имущество, обязана:

- 1) принять предоставленное цифровое имущество в порядке и сроки, предусмотренные договором;
- 2) уплатить обусловленное вознаграждение;
- 3) использовать цифровое имущество в пределах согласованного договором назначения, если иное не вытекает из его природы.

Статья 6. Момент исполнения обязательства по передаче цифрового имущества

1. Если иное не предусмотрено договором, обязательство по передаче цифрового имущества считается исполненным в момент предоставления стороне фактической возможности доступа, загрузки либо иного использования цифрового имущества.
2. Факт передачи не зависит от физического местонахождения серверов, носителей либо технической инфраструктуры.

Статья 7. Ответственность за нарушение обязательств

1. Сторона, не исполнившая или ненадлежащим образом исполнившая обязательства по договору, несет ответственность за причиненные убытки, включая упущенную выгоду, если не докажет наличие обстоятельств непреодолимой силы.
2. Нарушение обязательств по обеспечению доступа, сохранности или функциональности цифрового имущества приравнивается к неисполнению договора.

Список литературы:

[1] Рожкова, М. А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве / М. А. Рожкова // Право цифровой экономики - 2021 (17) : Ежегодник-антология / Руководитель и научный редактор М.А. Рожкова. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2021. – С. 10-68. – EDN VGMTKD.

[2] Иерусалимская, Е. А. Особенности правового регулирования отношений в цифровом пространстве / Е. А. Иерусалимская, В. В. Новиков // Всероссийский форум молодых исследований - 2022 : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Петрозаводск, 27 сентября 2022 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. – С. 36-45. – EDN QGBSPL.

[3] Ярутин, Я. К. Международное и российское правовое регулирование оборота криптоак-

тивов: понятийно-терминологическая корреляция / Я. К. Ярутин, Е. Е. Гуляева // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – Т. 1, № 3. – С. 725-751. – DOI 10.21202/jdtl.2023.32. – EDN HGBQGL.

[4] Болотова, Б.Б. Правовое регулирование оборота цифровых активов в международном праве: вызовы и перспективы гармонизации / Б.Б. Болотова, Д.М. Байгазиева // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2026. №1(135). С. 44-46.

[5] Шипикова, А. Г. Подходы к определению цифрового объекта и цифрового актива // *Цифровое право*. – 2024. – Т. 5, № 2. – С. 53-68. – DOI 10.38044/2686-9136-2024-5-2-1. – EDN QKVSHL.

[6] Боброва, О. Г. Правовое регулирование отдельных видов цифровых активов в странах мира / О. Г. Боброва, К. В. Горлов // *Экономика. Право. Инновации*. – 2020. – № 3. – С. 37-42. – EDN FUTFPL.

[7] Жук, О.Д. Об изменениях в уголовном и уголовно-процессуальном законодательствах, связанных с оборотом и использованием цифровой валюты в преступной деятельности // *Законодательство*. – 2025. – №6. – электронный ресурс: СПС Гарант.

[8] Абдуллаева, З. Ю. Правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и странах Европейского Союза / З. Ю. Абдуллаева // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2022. – № 8(96). – С. 131-140. – DOI 10.17803/2311-5998.2022.96.8.131-140. – EDN FAKDLW.

[9] Кузьменко, Ю. В. Общие принципы трансграничной торговли: механизм применения через призму Венской конвенции о международной купле-продаже товаров 1980 г / Ю. В. Кузьменко // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2019. – № 10(62). – С. 179-186. – DOI 10.17803/2311-5998.2019.62.10.179-186. – EDN PHITWD.

[10] Гражданско-правовые отношения: проблемы доктрины, законодательства и судебной практики: сборник статей, посвященный 75-летию доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова (коллектив авторов; отв. ред. В.В. Витрянский). – М.: «Статут», 2023. – 396 с.

[11] Каширин А. Свобода договора: в законе и на практике // *эж-ЮРИСТ*. – 2006. – №7. – электронный ресурс: СПС Гарант.

[12] Эволюция права под воздействием цифровых технологий : монография / (Амелин Р.В., Чаннов С.Е. – «Норма: ИНФРА-М», 2023 г. – 278 с.

[13] Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 11 princ. 2(2) (2023). URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf> (дата обращения: 28.02.2026)

[14] UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (2017). URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/mletr_ebook_e.pdf (дата обращения: 28.02.2026)

[15] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 31 (часть I). ст. 5018.

[16] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2019. № 31. ст. 4418.

[17] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 1994. № 32. ст. 3301.

[18] FATF. Guidance for a risk-based approach to virtual assets and virtual asset service providers. Paris: FATF/OECD. 2019. Available at: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Guidance-RBA-virtual-assets.html> (дата обращения: 28.02.2026) (in Eng)

[19] Regulation of cryptocurrency around the world. The Law Library of Congress, Global Legal Research Center. 2018. Available at: <https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/cryptocurrency-world-survey.pdf> (дата обращения: 28.02.2026) (in Eng)

[20] Например: Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (Принята резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml?ysclid=mm6ml2fgwq833171878 (дата обращения: 27.02.2026)

[21] Например: Regulation 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations № 1093/2010 and № 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and 2019/1937

[22] UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce (1996) with additional article 5 bis as adopted in 1998. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce (дата обращения: 27.02.2026)

[23] Консультационный доклад «Развитие рынка цифровых активов в РФ» // Банк России. М.: 2022.

[24] Virtual financial assets act // LEĠIŻLAZZJONI MALTA. URL: <https://legislation.mt/eli/cap/590/eng/pdf>

[25] Virtual Assets and Related Activities Regulations // Dubai VA Law. URL: <https://media.umbraco.io/dev-dwtc/ttgbf3km/virtual-assets-and-related-activities-regulations-2023.pdf>

[26] Цифровые финансовые активы. Версия 2.0 // Атомайз. М., 2024. URL: <https://atomyze.ru/files/20240812-Kniga-DFA-mobile.pdf> (дата обращения: 10.02.2025)

[27] Security Token Guidelines // Financial Services Commission. 2023.

[28] Act On The Protection Of Virtual Asset Users // Financial Services Commission. 2023.

[29] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

[30] Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. ст. 1224

[31] Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) // Вестник ВАС РФ. 1994. №1.

References:

[1] Rozhkova, M. A. Categories “digital law,” “digital rights” and “digital currency” in Russian law/M. A. Rozhkova//Law of the digital economy - 2021 (17): Annual anthology/Head and scientific editor M.A. Rozhkova. - Moscow: STATUT Publishing House LLC, 2021. - S. 10-68. - EDN VGMTKD.

[2] Jerusalem, E. A. Features of legal regulation of relations in the digital space/E. A. Jerusalem, V. V. Novikov//All-Russian Forum of Young Studies - 2022: Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, September 27, 2022. - Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science” (IP Ivanovskaya I.I.), 2022. - S. 36-45. - EDN QGBSPL.

[3] Yartun, Y. K. International and Russian legal regulation of the circulation of cryptoassets: conceptual and terminological correlation/Y. K. Yartun, E. E. Gulyaeva//Journal of Digital Technologies and Law. - 2023. - T. 1, NO. 3. - S. 725-751. - DOI 10.21202/jdtl.2023.32. - EDN HGBQGL.

[4] Bolotova, B.B. Legal regulation of the turnover of digital assets in international law: challenges and prospects for harmonization/B.B.B Bolotova, D.M. Baigazieva//Universum: Economics and Jurisprudence. 2026. №1(135). S. 44-46.

[5] Shipikova, A. G. Approaches to the definition of a digital object and a digital asset//Digital law. - 2024. - T. 5, NO. 2. - S. 53-68. - DOI 10.38044/2686-9136-2024-5-2-1. - EDN QKVSHL.

[6] Bobrova, O. G. Legal regulation of certain types of digital assets in the countries of the world/O. G. Bobrova, K. V. Gorlov//Economics. Right. Innovation. - 2020. - № 3. - S. 37-42. - EDN FUTFPL.

[7] Zhuk, O.D. On changes in criminal and criminal procedure legislation related to the circulation and use of digital currency in criminal activity//Legislation. - 2025. - №6. - electronic resource: SPS Guarantor.

[8] Abdullaeva, Z. Yu. Legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation and the countries of the European Union/Z. Yu. Abdullaeva//Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). - 2022. - № 8(96). - S. 131-140. - DOI 10.17803/2311-5998.2022.96.8.131-140. - EDN FAKDLW.

[9] Kuzmenko, Yu. V. General principles of cross-border trade: the mechanism of application through the prism of the Vienna Convention on the International Sale of Goods 1980/Yu. V. Kuzmenko//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). - 2019. - № 10(62). - S. 179-186. - DOI 10.17803/2311-5998.2019.62.10.179-186. - EDN PHITWD.

[10] Civil law relations: problems of doctrine, legislation and judicial practice: a collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Doctor of Law, Professor Evgeny Alekseevich Sukhanov (collective of authors; resp. ed. V.V. Vitryansky). - M.: “Statute,” 2023. - 396 p.

[11] Kashirin A. Freedom of contract: in law and practice//ej-LAWYER. - 2006. - №7. - electronic resource: SPS Guarantor.

[12] Evolution of law under the influence of digital technologies: monograph/(Amelin R.V., Channov S.E. - “Norm: INFRA-M,” 2023 - 278 p.

[13] Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 11 princ. 2(2) (2023). URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf> (дата обращения: 28.02.2026)

[14] UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (2017). URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/mletr_ebook_e.pdf (дата обращения: 28.02.2026)

[15] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Article 5018.

[16] Federal Law of 02.08.2019 No. 259-FZ “On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 31. Art. 4418.

[17] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[18] FATF. Guidance for a risk-based approach to virtual assets and virtual asset service providers. Paris: FATF/OECD. 2019. Available at: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Guidance-RBA-virtual-assets.html> (дата обращения: 28.02.2026) (in Eng)

[19] Regulation of cryptocurrency around the world. The Law Library of Congress, Global Legal Research Center. 2018. Available at: <https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/cryptocurrency-world-survey.pdf> (дата обращения: 28.02.2026) (in Eng)

[20] For example: UN Convention on the Use of Electronic Communications in International Treaties (Adopted by General Assembly resolution 60/21 of November 23, 2005). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml?ysclid=mm6ml2fgwq833171878 (дата обращения: 27.02.2026)

[21] Например: Регламент 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2023 года о рынках криптоактивов и внесении поправок в Правила № 1093/2010 и № 1095/2010 и Директивы 2013/36/EU и 2019/1937

[22] Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996 год) с дополнительной статьей 5-бис, принятый в 1998 году. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce (дата обращения: 27.02.2026)

[23] Консультационный доклад «Развитие рынка цифровых активов в РФ» // Банк России. М.: 2022.

[24] Закон о виртуальных финансовых активах//LEĠIŻLAZZJONI MALTA. URL: <https://legislation.mt/eli/cap/590/eng/pdf>

[25] Положения о виртуальных активах и связанной с ними деятельности//Дубайский закон штата Вирджиния. URL: <https://media.umbraco.io/dev-dwtc/tgbf3km/virtual-assets-and-related-activities-regulations-2023.pdf>

[26] Цифровые финансовые активы. Версия 2.0 // Атомайз. М., 2024. URL: <https://atomyze.ru/files/20240812-Kniga-DFA-mobile.pdf> (дата обращения: 10.02.2025)

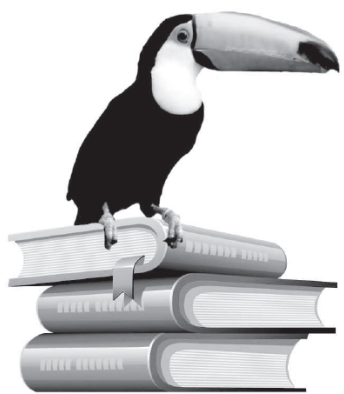
[27] Руководство по токенам безопасности// Комиссия по финансовым услугам. 2023.

[28] Закон о защите пользователей виртуальных активов//Комиссия по финансовым услугам. 2023.

[29] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 # 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. # 32. ст. 3301.

[30] Федеральный закон от 18.03.2019 # 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. # 12. ст. 1224

[31] Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) // Вестник ВАС РФ. 1994. #1.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru